

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Я. С. ЯСКЕВИЧ

ПАРАДОКСЫ СОЦИОДИНАМИКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Выявляются парадоксы и ограниченность использования стандартной экономической теории свободных рынков и институтов открытых порядков при раскрытии динамики модернизации развивающихся экономик. Автор подчеркивает, что необходимо учитывать уникальность сценариев модернизации конкретных обществ, собственное социокультурное наследие и исторический опыт, роль либеральных реформ в этом процессе. Показывается, что в современной экономической науке происходят радикальные трансформации, меняющие ее классический образ, проблемное поле, познавательный инструментарий, формируется синергетическая картина мира.

Ключевые слова: модернизация, социальные порядки, социодинамика, технико-экономическое развитие, экономическая картина мира.

УДК 378.633:001

Философско-методологический анализ экономической науки предполагает углубленную рефлексию над ее основаниями, реконструкцию этапов исторического становления и динамики, выявление ее проблемного поля, раскрытие содержания основных принципов и концептуально-понятийного аппарата, взаимосвязи экономики с политикой и моралью, описание перспектив и прогнозов развития. В современной экономической науке происходят радикальные трансформации, меняющие ее классический образ, проблемное поле и познавательный инструментарий от методологии микроэкономических процессов, связанных с изучением относительно мелкомасштабных экономических процессов и субъектов, до методологических исследований крупномасштабных экономических процессов страны и мировой экономики.

Методология экономической науки в силу своей концептуально-рефлексивной направленности на изучение, совершенствование и конструирование методов и принципов, используемых в экономической науке, выявляет их специфику в классический и неклассический периоды, общие экономические закономерности, что позволяет на их основе разрабатывать инновационные регулятивы для решения экономических прогнозов, оценок и ожиданий [1, 424]. *Философия экономики*, со своей стороны, будучи междисциплинарной

Ядвига Станиславовна ЯСКЕВИЧ (yaskevich@bseu.by), доктор философских наук, профессор, директор Института социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета (г. Минск, Беларусь).

областью знания о производящей экономике, сверхсложной самоорганизующейся системе как сущности экономического бытия, цивилизационном Благае, универсальных законах его развития, делает акцент на связь экономики с социально-нравственным началом, проектированием гуманистически ориентированных моделей субъектов хозяйственной деятельности и форм ведения хозяйства на основе принципов справедливости, плюрализма, консенсуальности и эффективности [2, 85–88].

По мере приобретения экономической наукой собственного статуса в контексте становления дисциплинарно организованной классической науки во второй половине XIX в. возникла насущная потребность изучения и обобщения методов экономической науки, выявления их специфики. Интенсивно развивающаяся специально-научная методология не ограничивалась использованием общелогических методов индукции и дедукции, анализа и синтеза, абстрагирования и обобщения, аналогии и моделирования. В экономической науке начинают широко использоваться историко-сравнительный, типологический, количественный методы, осмысливается метод восхождения от абстрактного к конкретному с учетом специфики экономической реальности и статуса человека, занятого вполне определенным трудом. Причем в методологии неклассической экономической науки особую значимость приобретает вероятностно-статистический метод, свобода выбора в экономической деятельности. Свобода выбора в экономике означает, что владельцы материальных ресурсов и денежного капитала могут использовать или реализовать эти ресурсы по своему усмотрению, что работники вправе заняться любым трудом, на который они способны, что потребители свободны в пределах своих денежных доходов, могут покупать товары и услуги в таком наборе, который они считают наиболее подходящим для удовлетворения своих потребностей. Свобода потребительского выбора оказывается самой широкой из этих свобод. Потребитель занимает в экономике особое стратегическое положение — в определенном смысле потребитель обладает суверенитетом. Пределы свободы выбора поставщиков людских и материальных ресурсов обслуживаются потребителем выбором. В конечном счете, потребители решают, что должна производить экономика, а в установленных тем самым рамках поставщики ресурсов могут делать свой собственный выбор. В действительности, поставщики ресурсов и предприятия вовсе не «свободны» производить товары и услуги, которые не находят спроса у потребителей.

Экономика в условиях частичной конкуренции может и не обеспечить достаточного диапазона потребительского выбора или разработки новых продуктов. Чистая конкуренция приводит к стандартизации продуктов, тогда как другие рыночные структуры (например, олигополия и монополистическая конкуренция) порождают широкий диапазон типов, стилей и оттенков качества любого продукта. Такая дифференциация продукции расширяет диапазон свободы выбора потребителя и одновременно наиболее полно позволяет удовлетворить предпочтение покупателя. Если бы ограниченность ресурсов была абсолютной, то выбор был бы невозможен. Если бы ограниченность ресурсов отсутствовала, то выбор был бы не нужен. Выбор становится необходимым в условиях относительной ограниченности ресурсов. В современной экономической теории концептуальное осмысление проблемы выбора связывается с новыми подходами в рамках институциональной экономики, что будет рассмотрено ниже.

Поворот экономической науки к ее антропологическим и ценностным измерениям в процессе исследования соответствующей предметно-экономической области выразился в социодинамике сложившихся в экономике *различных картин мира*: «мир богатства»; «мир хозяйственной культуры»; «мир хо-

зяйственного субъекта»; синергетическая картина экономической реальности как «мир деятельностного, социально ответственного субъекта экономики и бизнеса».

Первая классическая научная картина экономической реальности, в основе которой «*мир богатства*», связана с именами Ф. Кенэ, А. Смита, Д. Рикардо (XVIII в.). Основное внимание здесь уделялось внешним предметам — богатству, экономическим благам, образующим естественное или произведенное богатство той или иной нации. Важно было выявить динамику этих предметов в ходе экономической деятельности людей: их появление (производство), исчезновение (потребление), смена собственников (распределение и обмен). Другие аспекты экономики, как реальности и, прежде всего, люди, остаются как бы за кадром, элиминируются. Вместе с тем, опираясь на традиции естественнонаучного знания, в данной картине мира были даны объяснения и выявлены основные тенденции экономического развития на основе интерпретации мира богатства, его превращения и распределения, выделения новой нормы поведения в лице стоимости, фиксирующей социальные, экономические, правовые и нравственные аспекты взаимодействия членов общества в зависимости от трудового участия, а не сословной дифференциации. В марксизме с его установкой на раскрытие закономерностей, сущности, поиск внутренних причин саморазвития капитала классическая парадигма получает дальнейшее развитие и дополняется новыми идеями и методами, связанными с использованием методов единства логического и исторического, восхождения от абстрактного к конкретному, раскрытием сущности прибавочной стоимости и принципа историзма.

Неклассическая картина экономической реальности (XIX в.), в центре которой *мир хозяйственной культуры*, на первый план помещает определенную человеческую общность — народ как целостный субъект, являющийся результатом длительного исторического развития и осуществляющий экономическую деятельность в формах, присущих именно ему. Как своеобразный антипод классической школы в понимании экономической реальности и научного знания о ней данная картина мира разрабатывалась немецкими учеными в рамках исторической школы, ориентирующей исследователей на гуманитарную основу экономического знания, его опосредованность социально-историческими и культурными ценностями. Однако и в этой картине экономической реальности не находилось места собственно человеку, лицу, принимающему участие в экономической деятельности.

В конце XIX в. в ходе «маржиналистской революции» делается акцент на рациональный характер хозяйственных решений, на способность субъекта сделать наилучший выбор. В этой картине экономической реальности именно человек делает выбор — это «*мир хозяйствующего субъекта*». Здесь человек не запрограммирован механизмами причинно-следственных связей, он может принимать хозяйственные решения и влиять на собственное существование. На смену выявлению объективных, сущностных, причинно-следственных связей экономической деятельности приходит акцентировка на поиск функциональных связей хозяйствующих субъектов, среднестатистических экономических агентов с их набором соответствующих предпочтений и корыстных мотивов, максимизации полезности в экономическом поведении. В результате фрагментации и специализации исследовательских подходов и концепций, разнообразия частных теорий, их отдельных «коротких цепочек» с аналитическим технико-функциональным и математическим аппаратом трудно было сложить холистическую экономическую картину мира.

В постнеклассической экономической картине мира важное место занимает синергетический подход и *мир деятельностного субъекта*, который особенно четко описан в теоретических подходах Дж. М. Кейнса с его анализом

макроэкономических проблем и механизмов преодоления последствий экономического кризиса 1929 г., не потерявших своей значимости на современном этапе. Важную роль здесь играет и теория рационального выбора, импульс которой был дан работами нобелевского лауреата по экономике К. Дж. Эрроу «Социальный выбор и индивидуальные ценности» (1951) и Э. Даунса «Экономическая теория демократии» (1957). Как писал Э. Даунс, человек эгоистичен, рационален и стремится к максимизации своей выгоды. Базовыми принципами изучения поведения индивидуумов являются методологический индивидуализм и рационализм индивида. Модель рационального выбора учитывает цену, выгодность тех или иных альтернативных возможностей и проявляет себя не только в экономике, но и в политике. Экономическая модель демократии базируется на идее рациональности политического поведения: каждый актер (избиратель, управленец, член правительства) стремится максимизировать результат своей деятельности в экономическом смысле, т. е. получить больший результат при наименьших затратах. В соответствии с этим рациональное поведение является предсказуемым, включает упорядочение предпочтений и их взвешивание в процессе политического обмена. При таком подходе политика рассматривается в виде рынка, где происходит конкурентная борьба, взаимный обмен, что позволяет прогнозировать последующие политические события. *Рациональность в экономике* также означает такое поведение экономического агента (потребителя, производителя, правительства и т. д.), которое соответствует набору правил, относящихся к предпочтениям (*preferens*), обеспечивающим предсказуемость экономического поведения.

В то же время в противоположность рационалистическому подходу в экономической науке, в котором предпочтение отдавалось расчетливому, рационально-прагматическому экономическому агенту с его установкой на получение собственной выгоды любой ценой, в современной экономике формируется постнеклассический тип рациональности, предполагающий соотносимость с ценностно-целевыми структурами общества. Современная экономика *социальных взаимодействий* «переживает» *антропологический поворот*, выявляющий природные механизмы формирования альтруизма, чувства справедливости и т. п. При этом экономическому измерению можно подвергнуть и такие антропологические и личностно-субъективные феномены человеческого бытия, как удовлетворенность жизнью или счастье. Эконометрические методы, несмотря на субъективность, вариативность и зависимость от изменчивых ожиданий показателей счастья, все же позволяют зафиксировать, что именно самоощущаемое удовлетворение от жизни или счастье является наиболее близким аналогом функции полезности или целевой функции экономических агентов. «Экономика счастья» устанавливает зависимость между увеличением доходов и ощущением полноты счастья, падением инфляции и несчастьем от роста безработицы и т. п. Установлено, например, что уровень счастья действительно растет по мере роста ВВП, что несчастные люди работают хуже [3, 108].

Это дает импульс развитию ценностного подхода к проблеме формирования справедливого общества и, в частности, *справедливого распределения*, основополагающие принципы которого нашли отражение в книге «Теория справедливости» философа из Гарвардского университета Джона Ролза. Он утверждает, что справедливое общество — такое устройство общества, которое индивиды выбрали бы, если бы на них не оказывали влияния их чисто личные интересы. В этом «исходном положении», когда индивиды заведомо не знают того положения (определяемого полом, расой, способностями), которое они займут в обществе, они выберут такое общество, которое будет обладать следующими свойствами: каждый индивид получит равные права на

максимальную личную свободу, совместимую со свободой других индивидов; все неравенство в обществе (а) может являться результатом свободной конкуренции и (б) может оправдываться лишь настолько, насколько оно приносит пользу всем членам общества. Для экономистов данное свойство, которое Ролз назвал «дифференциальным принципом», представляет наибольший интерес. В соответствии с этим принципом неравенство допустимо только тогда, когда оно создает стимулы к труду и производству, гарантирует максимальное возможное благосостояние наименее обеспеченному члену общества. К тому же Ролз рассматривает понятие «богатство», «состоятельность» и неравенство не в терминах полезности, т. е. прагматической рациональности, а в *гуманистических терминах первичных благ*, к которым, наряду с благосостоянием и доходом, относятся права, свободы, возможности и способности человека. Заметим, что если в классической экономике благосостояние рассматривалось как синоним удовлетворения или полезности, то в современных экономических концепциях *благосостояние является этическим понятием и удовлетворение потребностей индивида рассматривается как благо*. Экономическая теория благосостояния выступает как наука о том, как экономическое устройство влияет на благосостояние членов общества, а экономическое благосостояние понимается как часть человеческого благосостояния, являющаяся результатом потребления благ и услуг и выражающаяся не только в денежной, но и в ценностно-гуманистической форме. По мере того, как на смену обществу и экономике потребления будет приходиться общество и экономика справедливости, критерии экономического благосостояния будут наполняться новыми, гуманистическими индикаторами, подобными «экономике счастья», блага, ценностей, гражданского долга, привилегий общественной морали и партнерства.

Реагируя на коммуникативные и аксиологические повороты открытой рациональности современной экономики, следует обратить внимание на понятие «*общественный оптимум*». Данное понятие используется в экономической теории благосостояния и выражает такое размещение ресурсов общества, такую структуру производства и распределения продукции, которые являются «наилучшими» с точки зрения набора поставленных целей, когда рассматривается выбор между различными альтернативными ситуациями и каждая из них является оптимальной по Парето (Pareto optimal). Здесь утверждается, что в каждой из этих ситуаций можно сделать кому-то лучше только за счет того, чтобы кому-то другому стало хуже. Вводя функцию общественного благосостояния, отражающую благосостояние общества в целом как благосостояние составляющих его индивидов, можно из всех оптимальных, по Парето, ситуаций выбрать наилучшую, являющуюся общественным оптимумом. Такой рациональный выбор в идеале задает стратегию экономического развития общества, определяет его перспективные направления, социально-экономическую политику государства и соответственно детерминирует специфику экономической и политической коммуникации.

В современной экономической науке формируется качественно новая *синергетическая картина мира*, изменяются наши концептуальные модели описания, объяснения и прогнозирования развития социума. В такой картине мира доминируют понятия становления, коэволюции, кооперативности компонентов мировой экономической и политической системы, нелинейность и открытость вариантов будущего развития, нестабильность и хрупкость современного мира. Синергетическое мировидение дает, вместе с тем, и теоретическую основу для исторического оптимизма, ибо предполагает, что шествие человеческой истории не предопределено и во многом зависит от нравственного выбора людей, ответственности субъекта власти, их способности загляды-

вать «за горизонт», принимая соответствующие решения и «проигрывая» возможные варианты их реального воплощения в сценарий истории и становясь одновременно его режиссером, автором и исполнителем [4, 267].

Антропологические повороты современной экономической науки меняют наши представления на *модели и философию управления*, формирующуюся на основе поощрения самоконтроля, креативного решения сложных ситуаций, высокой потребности к самостоятельности и ответственности, творческого участия и взаимного доверия, что означает *управление на основе ценностей и развития человеческого потенциала*. В современной экономике, политике, культуре принимать управленческие решения приходится в контексте коммуникативной рациональности и наличия множества синергетических факторов, когда необходимо учитывать меняющуюся информацию о событиях, определять вероятность реализации многообразных вариантов принимаемых решений, экономических и социально-политических рисков, ориентироваться на нравственные регулятивы и ценности, идеалы доверия, сотрудничества и ответственности. Динамично развивающийся современный экономический, политический, духовный и в целом жизненный мир человека, несомненно, открыт для инновационных средств общения и новых коммуникационных практик, ибо в реальном своем развитии экономика теснейшим образом связана с политикой. Экономика как системное единство отношений производства, обмена, распределения и потребления воздействует на политику прямо и косвенно, обуславливая общую направленность и социальный характер действующих политических институтов (в первую очередь государства), политических отношений и учреждений (организаций), а также способы и состав использования в политике материальных средств ее практического осуществления. Взаимосвязь экономики и политики проявляется и в том, что интегрированный экономический интерес воплощается в таких феноменах, как экономическая, промышленная, финансовая, кредитная, внешнеторговая и другие разновидности политики. Для успешного экономического развития большое значение имеет способность политики обеспечивать в обществе легитимное представительство различных групп и их интересов, согласование и координацию деятельности многочисленных субъектов, недопущение политических конфликтов в результате использования таких либеральных средств, как переговоры, уступки, компромиссы.

Однако в современной экономической науке критически переосмысливается статус *либеральных подходов в борьбе с инфляцией*, которые приводят к обратным эффектам, подстегивая спираль инфляции, что свидетельствует об исчерпании классических инструментов. Современный рынок, по сравнению с классическим периодом, «сам по себе» уже не может обеспечить наилучшие условия для развития капиталистической экономики в новых условиях. «Государство должно оказывать свое руководящее влияние на склонность к потреблению частично путем соответствующей системы налогов, частично финансированием нормы процента и, возможно, другими способами. Я представляю себе поэтому, что достаточно широкая социализация инвестиций окажется единственным средством, чтобы обеспечить приближение к полной занятости, хотя это не должно исключать всякого рода компромиссы и способы сотрудничества государства с частной инициативой», — писал Дж. М. Кейнс [5, 203]. Из взглядов Кейнса, как отмечают аналитики, вытекает, в частности, то, что рынок не содержит в себе механизм устойчивого долговременного роста. Поэтому долговременные прогнозы приобретают смысл только в том случае, если государство своей целенаправленной экономической политикой способно обеспечить экономически устойчивый рост [6, 214].

Аналитическая оценка динамики взаимоотношений классического либерализма и кейнсианства позволяет исследователям выявить парадоксы и стереотипы экономической науки, сделать вывод о *банкротстве и снижении авторитета современной экономической теории, нуждающейся в коренном обновлении*, о необходимости критического отношения к мнению авторитетных экономистов, прославляющих «мониторизм как руководство к действию», переосмысления многих принципиальных моментов в экономике и политике, как на национальном, так и на международном уровнях. Институциональный аспект мирового экономического кризиса связан с тем, что банки превратились из «обслуживающей организации в казино», их регулирующие органы превратили себя в фанатиков неolibерально-монитарной гипотезы об эффективном рынке вне государственного регулирования. Это и моральный крах системы, основанной на кредитной задолженности, причиной которого является культ экономического роста как самоцели и максимизации накопительского богатства, а не как способа достижения более высокого качества жизни общества. Требуется взвешенная политика по отношению к установлению контроля над большими банками и корпорациями в лице наднациональных институтов регулирования движения финансовых потоков, национализации и приватизации, которая способна лишить страну остатков государственной собственности [7].

Выделяя сущностные параметры развития экономики, современная экономическая наука фиксирует парадоксальную недостаточность технологических и организационных нововведений, порожденных и инициируемых индустриализацией. К этому следует добавить необходимость институциональных преобразований в лице новых институтов, способных стимулировать непрерывный процесс инноваций. Это и регулируемый рынок, и взаимодействие демократического государства и гражданского общества, и культурная модернизация политической системы, и взаимоотношение рыночной экономики с банковской системой, и статус человеческого капитала. Человеческий капитал в современных условиях постиндустриального мира становится главным фактором экономического развития как отдельных компаний, фирм, стран, так и всего человечества. Такие традиционные факторы экономического роста, как накопление капитала, естественное увеличение численности населения, технический прогресс и рост производительности труда, представляется целесообразным рассматривать в их взаимосвязи со статусом человека, его здоровьем, образованием, профессиональными навыками, способностями и умениями. Улучшение природы человека, благодаря здоровому образу жизни, использованию биомедицинских и иных инновационных технологий, капитал здоровья являются инвестициями в человека, которые осуществляются с целью поддержания и совершенствования его здоровья и работоспособности в условиях инновационной экономики. В соответствии с этим можно согласиться с авторами, которые считают, что в современных условиях институты благосостояния (здравоохранение, образование, наука, профессиональное образование) — не просто затраты бизнеса, это непереносимое условие воспроизводства креативного человеческого капитала в интересах общества, основанного на знаниях, а призывы к устранению или приватизации этих институтов несостоятельны. Альтернативный путь состоит, наоборот, в продолжении развития социальной сферы, которая должна восприниматься не как высокочатратный противовес производства, а как двигатель его дальнейшего инновационного развития [8].

В этом же контексте следует рассматривать и концепцию *человека институционального* в концептуальном пространстве институциональной экономики как альтернативу неоклассическому пониманию *человека экономического*. В поисках адекватных математических методов и подходов описания эконо-

мических реалий в лице введения в методологический аппарат экономической теории концепта человека институционального подчеркивается, что его образ мыслей и действий обусловлен скорее формальными и неформальными институтами, чем эмоциями и разумом, поведение такого человека считается принципиально относительным в силу невозможности отделить его натуру от укорененных в него институциональных рамок. Следующий шаг относительно расширения границ и возможностей экономической теории связан с включением в нее не только социальных, но и психологических факторов, оказывающих влияние на выбор человека вместе с такими затруднениями реализации этого механизма, как ограниченность знаний, дефицит информации, специфическая логика мышления, психологическое состояние и пр. С точки зрения неклассической логики и математики для описания таких процессов не обойтись без концепции нечетких множеств Заде, нечеткой версии теоремы Коуза и других инновационных подходов.

В современной экономической науке при разработке концептуального аппарата, проблемного поля и содержательных характеристик *инновационной экономики* обращается внимание на то, что это рационально выстроенная экономика, основанная на знании и использовании высоких технологий, прозрачности и свободной конкуренции, инициации новых рынков и их разнообразии. Такая экономика отличается высоким уровнем развития фундаментальной и прикладной наук, наличием мощных интеллектуальных парков, привлекательным инвестиционным климатом и высокими инвестиционными ресурсами, конкурентоспособной продукцией на мировых технологических рынках, социально-политической стабильностью, высоким качеством жизни и человеческого потенциала, рационально-нравственным характером управленческой культуры в государстве. Прорывы в инновационной экономике обеспечиваются определением приоритетных направлений в науке и промышленности, социальной сфере и их последующим финансированием, своеобразным синтезом фундаментальных и практико-ориентированных исследований, эффективным партнерством государства, бизнеса, академической и университетской науки [9]. Реализация таких инновационно комплексных программ невозможна без обращения к их рациональному обоснованию, нравственному наполнению и построению на этой основе прогнозных моделей развития экономики, управления и принятия адекватных решений, обеспечения коммуникативного взаимодействия в инновационных процессах. При этом важно в конкретной национальной экономике определить «прорывные» направления для вложения средств в наиболее прогрессивные инновационные проекты, способные обеспечить синергетические прорывы в технологическом и экономическом развитии социума. Появляется необходимость привлечения социальных ценностей и регулятивов при гуманитарной экспертизе современных экономических проектов, их соотношении как с внутринаучными идеалами, нормами и ценностями, так и с социально-гуманистическими приоритетами и установками. В этом смысл трансдисциплинарной экономической науки, выходящей не только за рамки отдельных дисциплин, но и дисциплинарной науки вообще в широкую общественную среду с учетом специфики страны как объекта институциональных преобразований, особенностей человеческого поведения и социальных порядков.

Модельные представления о конкретном социуме и экономике различных стран, т. е. *социальные порядки*, должны строиться на основе учета закономерностей их модернизации. В современной экономической науке при раскрытии механизмов модернизации экономики как ядра социального порядка выделяют два компонента: технологический и институциональный. Особый интерес у исследователей при этом вызывает *техничко-экономическая парадигма Карлоты Перес*, профессора Лондонской школы экономики, старшего

научного сотрудника Кембриджского университета, в рамках которой обосновывается системное понимание развития, предполагающая наличие двух взаимосвязанных составляющих — технической и экономической. В технико-экономическом развитии при этом выделяются следующие фазы: 1) *внедрения*, инвестирования, где наблюдается технико-экономический раскол между старым и нарождающимся техническим укладом, что сопровождается уходом старых отраслей и безработицей с одновременным приходом новых отраслей, благодаря энергичным капиталовложениям; 2) *агрессии*, «позолоченного века», характеризующаяся временем финансового пузыря, «размолвкой» в системе, поляризацией, интенсивным финансированием технологической революции; 3) *синергии*, «золотого века», отличающаяся интенсивным ростом, положительными внешними эффектами, высокой занятостью и производительностью, некоторой эйфорией и уверенностью, что процветанию не будет конца; 4) *зрелости*, насыщения, которая знаменует угасание технической революции, характеризуется социально-политическим расколом, насыщением рынков и технологическим старением, разочарованием вместо постоянства. Первые две фазы олицетворяют период становления технологической революции, две вторые — период ее развертывания [10, 77]. Не трудно заметить, что истоки технико-экономической парадигмы К. Перес восходят к трудам Н. Кондратьева и Й. Шумпетера в их стремлении к системному видению экономики, ее статики и динамики. Важный момент здесь в гармоничном сочетании и увязке технологий и институтов, в совершенствовании институциональной структуры социально-экономической системы, способной обеспечить синергетический эффект в развитии социума.

В эволюции социальных порядков фундаментальную роль играют институты, содействующие созданию благоприятного экономического, политического, правового и ментального окружения и климата для инновационных прорывов в социуме и обеспечения выполнения системы правил и норм поведения в нем. В динамике социальных порядков Д. Норт и другие выделяют три типа: *порядки, предшествующие государственным; порядки ограниченного доступа* (по таким порядкам живет ныне 85 % населения планеты); *порядки открытого доступа*, которые приходят на смену порядкам ограниченного доступа и являются венцом эволюции [11, 39]. Образцом для подражания выступает американская модель социального порядка открытого доступа, а все иные институты и культуры, как «неспособные обеспечить достойную жизнь людям», подлежат замене на западные аналоги.

Вместе с тем желание модернизировать отсталые порядки на основе нерелевантной экономической теории свободных рынков и некритического импорта институтов открытых порядков, как подчеркивают эксперты, приводит не к процветанию, а, напротив, к деградации, потере собственной идентичности и дезориентации в меняющемся мире. Во избежание этого, необходимо осознавать ограниченность применения стандартной экономической теории и заимствованных институтов к модернизации социальных порядков и, как следствие, начать собственное институциональное строительство, методологически сочетающее рыночные и нерыночные начала, а также ориентацию на национальные интересы страны и ее социально-экономическое развитие [12]. Насаждение чуждых странам социальных порядков без их действительного принятия со стороны потенциальных реципиентов обречено на провал, о чем свидетельствует, например, опыт Китая, которому для поддержания быстрого развития не потребовались институты, приближающие его к западным обществам [13, 55].

Таким образом, современная методология экономической науки ставит новые задачи перед исследователями, расширяет свое проблемное поле, вклю-

чая в него необходимость теоретико-рефлексивного осмысления и выявления специфики экономической социодинамики и трансформации социальных порядков отдельных стран в условиях глобализации мировой экономической и политической системы, роли либеральных реформ в этом процессе, разработки механизмов включения в экономическую теорию социальных и психологических факторов, регулятивов реформирования экономических реалий, обоснования критериев релевантности экономико-математических и инструментальных методов исследуемой экономической реальности, приоритетов социально ориентированной, рационально выстроенной рыночной экономики.

Литература

1. *Яскевич, Я. С.* Философия и методология науки: время диалога, ответственности и надежды : избр. тр. / Я. С. Яскевич. — Минск : Право и экономика, 2014. — 551 с.
Yaskevich, Ya. S. Filosofiya i metodologiya nauki: vremya dialoga, otvetstvennosti i nadezhdyi : izbr. tr. [Philosophy and methodology of Science: dialogue, responsibility and hope] / Ya. S. Yaskevich. — Minsk : Pravo i ekonomika, 2014. — 551 p.
2. *Скибицкий, М. М.* Философия экономики: подняться с обочины / М. М. Скибицкий // Вестн. Рос. филос. о-ва. — 2015. — № 1. — С. 85–88.
Skibitskiy, M. M. Filosofiya ekonomiki: podnyatsya s obochinyi [The philosophy of Economics: climb with the roadside] / M. M. Skibitskiy // Vestn. Ros. filos. o-va. — 2015. — N 1. — P. 85–88.
3. *Di Tella, K.* Some Uses of Happiness Data in Economics / K. Di Tella, McCulloch // Journal of Economic Review. — 2006. — Vol. 96, June. — P. 107–111.
4. *Яскевич, Я. С.* Политический риск и психология власти / Я. С. Яскевич. — Минск : Право и экономика, 2011. — 298 с.
Yaskevich, Ya. S. Politicheskii risk i psihologiya vlasti [Political risk and the psychology of power] / Ya. S. Yaskevich. — Minsk : Pravo i ekonomika, 2011. — 298 p.
5. *Кейнс, Дж. М.* Общая теория занятости, процента и денег / Дж. М. Кейнс ; пер. Н. Н. Любимова. — М. : Гелиос АРВ, 2012. — 352 с.
Keyns, Dzh. M. Obschaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg [The General Theory of Employment, Interest and Money] / Dzh. M. Keyns ; per. N. N. Lyubimova. — M. : Gelios ARV, 2012. — 352 p.
6. *Акаев, А. А.* О новой методологии долгосрочного циклического прогнозирования динамики развития мировой и российской экономики / А. А. Акаев, В. А. Садовничий // Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания / под ред. И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина ; отв. ред. Т. Л. Шестова. — М. : Макс Пресс, 2010. — Вып. 4. — 368 с.
Akaev, A. A. O novoy metodologii dolgosrochnogo tsiklicheskogo prognozirovaniya dinamiki razvitiya mirovoy i rossiyskoy ekonomiki [A new methodology for long-term cyclical forecasting performance of the global and Russian economy] / A. A. Akaev, V. A. Sadvnichiy // Globalistika kak oblast nauchnyih issledovaniy i sfera prepodavaniya / pod red. I. I. Abylgazieva, I. V. Ilina ; отв. red. T. L. Shestova. — M. : Maks Press, 2010. — Вып. 4. — 368 p.
7. *Хасбулатов, Р. И.* Идолы и идолопоклонники: крах либерализма / Р. И. Хасбулатов // Век глобализации. — 2011. — № 1. — С. 3–14.
Hasbulatov, R. I. Idoly i idolopoklonniki: krah liberalizma [Idols and idolatry: the collapse of liberalism] / R. I. Hasbulatov // Vek globalizatsii. — 2011. — N 1. — P. 3–14.
8. *Князев, Ю. К.* Перспективы выхода из кризисной стагнации / Ю. К. Князев // Мир перемен. — 2014. — № 4. — С. 14–28.
Knyazev, Yu. K. Perspektivy vyihoda iz krizisnoy stagnatsii [Prospects of running crisis of stagnation] / Yu. K. Knyazev // Mir peremen. — 2014. — N 4. — P. 14–28.
9. *Шимов, В. Н.* Экономика Беларуси: современное состояние и вектор перспективного развития / В. Н. Шимов // Социология. — 2014. — № 3. — С. 7–16.
Shimov, V. N. Ekonomika Belarusi: sovremennoe sostoyanie i vektor perspektivnogo razvitiya [Economy of Belarus: current status and prospective development vector] / V. N. Shimov // Sotsiologiya. — 2014. — N 3. — P. 7–16.
10. *Перес, К.* Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания / К. Перес. — М. : Издательство «Дело» АНХ, 2011. — 264 с.

Peres, K. Tehnologicheskie revolyutsii i finansovyy kapital. Dinamika puzyirey i periodov protsvetaniya [Technological revolutions and financial capital. Dynamics of bubbles and periods of prosperity] / K. Peres. — M. : Izdatelstvo «Delo» ANH, 2011. — 264 p.

11. *Nort D.* Nasilie i sotsialnyie poriadki. Kontseptualnyie ramki dlya interpretatsii pismennoy istorii chelovechestva [Violence and social orders. A conceptual framework for the interpretation of written history of mankind] / D. Nort, Dzh. Uollis, B. Vayngast. — M. : Izdatelstvo In-ta Gaydara, 2011. — 288 s.

Nort D. Nasilie i sotsialnyie poriadki. Kontseptualnyie ramki dlya interpretatsii pismennoy istorii chelovechestva [Violence and social orders. A conceptual framework for the interpretation of written history of mankind] / D. Nort, Dzh. Uollis, B. Vayngast. — M. : Izdatelstvo In-ta Gaydara, 2011. — 288 p.

12. *Erznkjan, B. A.* Modernizatsiya sotsialnykh poriadkov i vozmozhnosti ekonomicheskoy nauki / B. A. Erznkjan // Mir peremen. — 2014. — № 4. — С. 73–89.

Erznkjan, B. A. Modernizatsiya sotsialnykh poriadkov i vozmozhnosti ekonomicheskoy nauki [Modernization of social order and economic science] / B. A. Erznkjan // Mir peremen. — 2014. — N 4. — P. 73–89.

13. *Grinberg R. S.* Osnovaniya smeshannoy ekonomiki. Ekonomicheskaya sotsiodinamika / R. S. Grinberg, A. Ya. Rubinshteyn. — M. : IЭ РАН, 2008. — 356 s.

Grinberg R. S. Osnovaniya smeshannoy ekonomiki. Ekonomicheskaya sotsiodinamika [The founding of a mixed economy. Economic sociodynamika] / R. S. Grinberg, A. Ya. Rubinshteyn. — M. : IE RAN, 2008. — 356 p.

YADVIHA YASKEVICH

PARADOXES OF SOCIODYNAMICS OF ECONOMICS

Author affiliation. *Yadviha YASKEVICH* (yaskevich@bseu.by), *Belarusian State Economic University (Minsk, Belarus).*

Abstract. Paradoxes and limitations of using conventional economic theory of free markets and open access order institutions are revealed to disclose the modernization dynamics of developing economies. The author underlines that it is necessary to take into account uniqueness of modernization scenarios for particular societies, own sociocultural legacy and historical background, and the role of liberal reforms in this process. It is shown that modern economics is undergoing radical transformations changing its classical image, problem field, cognitive tools, the synergetic worldview is being formed.

Keywords: modernization, social orders, sociodynamics, technical and economic development, economic picture of the world.

UDC 378.633:001

*Статья поступила
в редакцию 02.07. 2015 г.*